

Языковой домен как интегральный домен символического универсума

Абстракт

В статье рассматривается языковой домен как часть концепции доменов символического универсума. Согласно предложенной иерархии доменов, языковой домен определяется автором как наиболее фундаментальный среди других. Автор разделяет анализ языкового домена на два уровня: уровень дискурса и уровень языка. Уровень языка представляет собой уровень взаимопонимания и взаимного смыслоконструирования, а уровень дискурса — кристаллизацию смысловтворческой активности, смысловые импликации, которые задают границы коммуникации и интерпретации.

Ключевые слова: *речь, дискурс, домен символического универсума*

Рассмотрение и анализ иерархии доменов символического универсума мы начнем с языкового домена. На это имеется весома причина: как уже упоминалось в предыдущих статьях, где была дана краткая характеристика каждого из доменов и уровней иерархии, языковой домен относится к фундаменту всей иерархии, образует базовый уровень [Шульга, 2015а]. В этот уровень мы больше не включаем никаких доменов. Главной характеристикой этого уровня (и соответственно домена) является его интегральность. Иными словами, эта смыслообразующая сфера пронизывает все прочие домены. Интегральность языкового домена наглядно объясняется с помощью двух понятий: “конституирование” и “конструирование” смыслов. Подробно о дефинициях и различии между этими двумя понятиями пишет Томас Лукман в своей статье [Luckmann, 2007].

Здесь мы лишь напомним, что конституирование описывает процесс построения смыслов в индивидуальном сознании на основе приобретенного опыта. Этот процесс конституирования был тщательно и обстоятельно рассмотрен Альфредом Шюцем — в частности в его статьях, посвященных по-

литетическому конституированию смыслов в индивидуальном сознании [Schutz, 1962].

При этом только одна из указанных сфер сама выступает средством для понимания и согласия между акторами в процессе совместного смысло-творчества; это — язык. Конечно, можно упомянуть о таких видах смысло-творчества, которые не используют язык: прежде всего мы говорим о сферах искусства, музыки, архитектуры и т.п. Кроме того, мы также ранее упоминали, что в порядке исключения можно назвать некоторые виды смысло-творчества, относящиеся к доменам науки, а именно язык программирования, математические, физические или химические формулы и т.д. В то же время именно язык является универсальным и общепринятым способом коммуникации, взаимопонимания и совместного смысло-творчества. Таким образом, понимание и взаимопонимание осуществляются через языковые акты, которые, в свою очередь, возможны благодаря владению тем или иным языком, общим для социальных акторов.

Благодаря своей универсальности и интегральности языковой домен оказывается той смысловой областью, фундаментальные изменения в которой свидетельствуют об окончательной смене символических универсумов в обществе. Вот почему и доминирующий, и альтернативные универсумы постоянно сталкиваются в существующих коммуникативных практиках, вновь и вновь модифицируя их. При этом они вводят либо пытаются вытеснить определенные концепты¹.

Все это является сущностными составляющими процесса диффузии символических универсумов, которые проявляются в общественном поле, а также перманентной борьбы универсумов. Описанные нами в предыдущих статьях некоторые приемы этой борьбы, а именно создание коллокаций, пресуппозиции и т.п., служат непосредственными примерами модификации и изменения действующего дискурса. Одни из них рутинизируют определенные смыслы, другие вытесняют смыслы, третьи подменяют их суть, четвертые ассимилируют и т.д.

¹ Своеобразной попыткой рефлексии в отношении дискурса доминирующего универсума, характерного для многих обществ, является концепция “деревянного языка” российских ученых В.Шульц и Т.Любимовой. Они выделяют в этом языке такие характерные черты, как стереотипность, вторичность, псевдонаучность, эвфемизацию и демагогичность. Одним из примеров такого языка они называют политкорректный язык, принятый в Соединенных Штатах и на Западе в целом. Ученые делают акцент на манипулятивном аспекте “деревянного языка”, выполняющего функцию управления общественным сознанием. “Языковая манипуляция общественным сознанием, — пишут В.Шульц и Т.Любимова, — с использованием всего арсенала приемов (явных и латентных, рациональных и суггестивных), включая затвердевшие структуры “деревянного языка”, — это, по сути, извращение социальной функции языка. Ведь социальная природа языка предполагает объективное отражение в нем закономерностей общественного развития, а не деформацию социальных процессов с помощью скрытых лингвистических и паралингвистических приемов воздействия на индивидуальное и общественное сознание” [Шульц, Любимова, 2014: с.141–142]. Если оставить в стороне акцент на манипулятивности “деревянного языка”, для нас эта концепция интересна тем, что указывает на определенные особенности “официального” дискурса, то есть дискурса доминирующего символического универсума.

Как было отмечено, диффузия происходит на разных уровнях и доменах символических универсумов, и это очень длительный процесс, который не всегда заканчивается заменой одного символического универсума другим. Более того, процессы диффузии символических универсумов способствуют стабилизации социальной системы. Тогда как символическая борьба универсумов может превратиться в вооруженную борьбу между группами-носителями разных универсумов, и, разумеется, это приводит только к социальным потрясениям. Процессы диффузии могут продолжаться десятилетиями и не обязательно приводят к замене одного символического универсума другим или же к аннигиляции альтернативного универсума. В то же время такие изменения возможны лишь тогда, когда альтернативный универсум сможет укоренить собственные базовые смыслы в имеющемся дискурсе и на основании этого присутствовать в повседневных рутинных коммуникативных практиках не только своей группы-носителя, но и групп-носителей других символических универсумов, включая доминирующий универсум.

При рассмотрении языкового домена мы с необходимостью обращаемся к теоретическому багажу Альфреда Шюца, поскольку наш анализ осуществляется на почве феноменологической парадигмы, хоть и выходит иногда за пределы ее предметного поля. Последнее вполне нормально, поскольку каждый автор имеет собственный исследовательский интерес, и слепое соблюдение догм или самоограничение в познавательных и теоретических интересах лишь вредит анализу. Однако анализ Альфреда Шюца, его теоретическое направление и ответвления имеют большой эвристический потенциал как в целом для социологической науки, так и для нашего рассмотрения в частности.

Основатель феноменологического течения в социологии — Альфред Шюц — наряду с проблематикой концепции жизненного мира, проблемы релевантности, типики, естественной установки и т.п. значительное внимание уделил проблематике, которую можно отнести к социологии языка. Это было вполне логично, учитывая исследовательский интерес австрийского ученого — знаки, символы, значения, их общее конструирование индивидами и т. д. В исследовании языка Альфреда Шюца прежде всего интересовал наиболее глубокий уровень, а именно механизмы возможности понимания и взаимопонимания двух социальных акторов на элементарном уровне их Мы-связей. Для своего анализа конструирования языковых взаимодействий между индивидами он использует одно из основоположных понятий трансцендентальной феноменологии Эдмунда Гуссерля — “аппрезентацию”. Языковые акты другого индивида аппрезентируют его субъективные переживания. Кроме того, Шюц также активно привлек для анализа языковых актов концепции политетического конституирования значений и их монотетического схватывания. В контексте нашего исследования на концепциях политетического конституирования и монотетического схватывания нужно остановиться подробнее. Политетическое конституирование обозначало в системе Альфреда Шюца процесс последовательного выстраивания смыслов, непосредственно данных в сознании индивида, который мог проследить всю их цепь от начала и до конца. Монотетическое же схватывание заключалось в усвоении индивидом уже готового смысла или смысловой конструкции. Из-за этого индивид не мог осуществить такой же путь ретроспекции, как в

случае с политетическим конституированием смыслов [Schutz, 1970; Шюц, Лукман, 2004]. “Языковые формы, — пишет Шюц, — в значительной мере отделены от индивидуальности единичных опытов. В определенной мере это касается уже взаимной типизации и толкования форм выражения. Заложённая в этом ограниченная анонимизация языковых форм обобщается теперь в связи с временными и пространственными обособлениями. Значение становится “объективным”” [Шюц, Лукман: 2004, с. 531].

Помимо подробного рассмотрения механизмов аппрезентации — благодаря языковым актам и их интересубъективному конструированию в повседневных Мы-связях — Альфред Шюц указывал на надындивидуальный характер языка и его институциональную природу, переходя таким образом на социетальный уровень. Таким образом, и это крайне важно для нашего рассмотрения, языковые структуры индивидами схватываются монотетически.

“Субъективное усвоение языка не воспроизводит исторического образования языковых структур, — подчеркивает Альфред Шюц. — Эти структуры скорее входят с самого начала в процессы интересубъективных отражений между ребенком и взрослыми, а не “заново” строятся в них. Структура каждого “естественного” языка является результатом последовательных общественных действий, в которых происходит взаимопонимание. Структура языка и, обобщеннее, структура “естественных” знаковых систем непосредственно определяется предшествующими действиями взаимопонимания — а через это непосредственно общественными структурами, образующими внешние рамки этих действий” [Шюц, Лукман: 2004, с. 532]. Таким образом, монотетическое схватывание языка — это улавливание его как предзаданного, а отсюда данный процесс характеризуется не критичностью.

В своем анализе языка, в частности в лекциях по социологии языка (которые, к сожалению, не были изложены ученым в отдельной работе, однако сохранились благодаря конспектам его студентов), Альфред Шюц использует разработки Фердинанда де Соссюра по различению понятий “*lengua*” и “*parole*”. Иными словами, он различал “язык” и “речь”. “Социальный аспект языка: “*Lengua*” является соглашением, — пишет Шюц, — которое можно заключить с помощью словарей и грамматики. (Языковые знаки были выбраны совершенно произвольно.) 1. Языковые знаки являются коллективными репрезентациями привычки. 2. Язык ... наследуется. Хотя, как и любой другой общественный институт, может быть изменен” [Schütz, 2003: S. 233]. Говоря же о “речи”, Альфред Шюц подчеркивал, что она лежит на грани языка, то есть в языковые структуры не входит ничего, что сначала не прошло бы через речь¹.

Здесь мы приближаемся к важному различению в ходе нашего собственного анализа языкового домена символического универсума: различению языка и речи или языка и дискурса. Если первый является устойчивым и, более того, предзаданным (для изменений в его структурах требуется время, иногда довольно длительное), то в отношении речи, или коммуникативных

¹ В подобном различении заключается фундаментальное различие между подходом Альфреда Шюца и уже упомянутым подходом Мишеля Фуко. Последний ставил дискурс категориально выше языка и речи. “Конечно, — пишет по этому поводу Фуко, — дискурсы составлены из знаков, но то, что сами они делают, — это больше, чем использование этих знаков для обозначения вещей. И это то *больше*, которое не сводится ни к языку, ни к речи” [Фуко, 2004: с. 112].

практик, их создание и изменения происходят в непосредственно повседневных Мы-связях индивидов. То есть ученый приписывает языку и речи разные характеристики: язык диахроничен, а речь — синхронична.

Эту концепцию языка в своем дальнейшем анализе использует его ученик — Томас Лукман, который посещал упомянутые лекции Шюца по социологии языка. Для нас особенно релевантным является то, каким образом Томас Лукман в своих исследованиях определяет язык, а именно как главный медиум социального конструирования реальности, а также медиум для социального распределения знания. В его концепции экстернализации и объективации смыслов последние становятся доступными тем индивидам и целым группам, которые не принимали участия в их созидании, благодаря языку. Ученый на надындивидуальном уровне приписывает языку две функции: диахроническую и синхроническую, не разделяя, как Шюц, язык и речь. Диахроническая функция языка проявляется в объективации “рецептов решения проблем”, или, проще говоря, в виде набора укорененных само собой разумеющихся вещей. Диахроническая функция языка, согласно Лукману, отвечает также за то, что язык становится базисом для передачи конфигураций значений, которые служат основой субъективного смысла и его восприятия и понимания партнерами индивида по интеракциям. Важной составляющей диахронической функции языка является и то, что именно через язык конструируются и предстают в качестве предзаданных и само собой разумеющихся действующие интерпретации истории, а также закладываются ориентиры на будущее.

В свою очередь, синхроническая функция проявляется в установлении языком определенных коммуникативных образцов для институтов, социальных классов и групп и взаимодействия их между собой¹.

Обращение к разработкам Альфреда Шюца и Томаса Лукмана осуществлены нами для артикуляции двух характеристик, важных для нашего анализа. Первая — это различие языка и речи. Кроме того, язык мы будем понимать как универсальный медиум социального конструирования реальности².

Вторым важным понятием, которое мы должны рассмотреть в рамках нашего анализа языкового домена символического универсума, является такое распространенное понятие, как “дискурс”. Как и в случае с некоторыми общепринятыми понятиями (уже упоминавшееся нами понятие “идео-

¹ Томас Лукман также выделяет наряду с диахронической и синхронической функциями языка еще две, являющиеся вспомогательными. Первая из них — индикативная. Характеризуя ее, ученый указывает на тот факт, что “языковые знаки выступают одновременно как символы и как индикации” [Luckmann, 1969: S. 1084]. С этой функцией тесно связана вторая вспомогательная функция — фатическая функция языка. Как подчеркивает Лукман, язык и его использование отмечают социального актора как представителя определенной группы, служит идентификатором его принадлежности к определенному социальному слою. Поэтому язык играет важную роль в процессах солидаризации, идентификации и т.п.

² Мы не ставим своей целью осуществить здесь обзор концепций языка, включая традиционные и постмодернистские концепции. Это заняло бы слишком много места и отвлекло нас от главных задач предлагаемой статьи. Вот почему мы уделяем первоочередное внимание пониманию языка в контексте феноменологического анализа, осуществленного двумя классиками этой парадигмы — Альфредом Шюцем и Томасом Лукманом.

логия”), так и в случае с “дискурсом” целесообразно сразу же дать четкую дефиницию и таким образом определить, что мы понимаем под ним. Ведь именно из-за широкого употребления этого термина существует множество определений, и в некоторых из них акценты смещены в зависимости от исследовательского интереса ученых. В нашем анализе, используя этот термин, мы будем опираться на отдельные аспекты теоретического наследия Мишеля Фуко, прежде всего касающиеся имманентной природы дискурса. “Это, — характеризует дискурс Мишель Фуко, — “уже-сказанное” — не просто уже произнесенная фраза или уже написанный текст, но, напротив, нечто “никогда-не-сказанное”, — бесплотный дискурс, невнятный, как думование, письмо, заполненное пустотой своих следов. Предположим, что все формируемое в дискурсе обнаруживается как уже артикулированное в той полутягине, что ему предшествует и упорно продолжает разворачиваться за ним, в той полутягине, которую он раскрывает и заставляет умолкнуть. В конечном счете, манифестируемый дискурс настойчиво представляет то, о чем он не говорит, — именно такое не-говорение и будет той пустотой, которая изнутри подтачивает все, что говорится” [Фуко, 2004: с. 69]¹.

Итак, самая первая характеристика, присущая дискурсу, являющаяся крайне важной для задач нашего анализа, — его неререфлексируемое постоянное присутствие в повседневных интеракциях социальных акторов. Вторую ключевую для нашего рассмотрения характеристику дискурса описывает в своих работах нидерландский исследователь Теон ван Дейк, принадлежащий к школе критического дискурс-анализа². Он дает весьма узкое определение “дискурса”, понимая под ним “только специфичное коммуникатив-

1 Хотя сам Фуко, по его же признанию, предпочитает говорить не столько о дискурсе, сколько о дискурсивных формациях. Этот термин он использует для обозначения принадлежности разных знаков, высказываний и т.п. к одной модальности. “Будем называть дискурсом совокупность высказываний постольку, поскольку они принадлежат к одной и той же дискурсивной формации, — резюмирует Фуко. — Дискурс не образует риторической, формальной или бесконечно повторяющейся общности, появление и применение в истории которой можно было бы предсказать (и объяснить в случае потребности); он конституируется ограниченным числом высказываний, для которых можно определить совокупность условий существования” [Фуко, 2004: с. 227]. Благодаря этому он говорит о разных дискурсивных формациях — “медицинском дискурсе” и “психиатрическом дискурсе”, используя их в качестве примера в анализе очень часто, а также о других дискурсах (политическом, историческом и др.).

2 Нужно подчеркнуть, что исследовательский интерес ван Дейка направлен на изучение превышения власти, а также проблем легитимации и воспроизводства расизма. Именно поэтому он делает акцент на исследовании механизмов того, как властные элиты используют дискурсивные практики и оказывают непосредственное влияние на формирование самого дискурса для утверждения и удержания своего привилегированного доступа к дефицитным ресурсам. “В рамках критического анализа дискурса, — пишет Теон ван Дейк, — изучение воспроизводства власти и доминирования с помощью дискурса видится первоочередной задачей. Одной из составляющих этого процесса воспроизводства являются структуры и стратегии доступа: кто управляет организацией, участниками, целями, языком, жанром, языковыми актами, темами, схемами (например, заголовками, цитатами), стилем, риторикой и прочими характеристиками коммуникативного события. То есть кто способен/может/должен говорить что, кому, как, в каких условиях и с каким эффектом для реципиентов?” [Дейк, 2013: с. 109–110]. По мнению ван

ное событие в общем и письменную или устную форму взаимодействия или использования языка в частности” [Дейк, 2013: с. 131]. При этом исходя из своего исследовательского интереса Теон ван Дейк акцентирует внимание на том, каким образом власть влияет на дискурс и какие приемы при этом использует. Он различает явные и неявные приемы влияния на дискурс¹.

Тесная связь и взаимозависимость дискурса и власти — вторая важная характеристика, которую мы будем выделять в нашем рассмотрении. Точнее, мы будем подчеркивать органическую связь не только между дискурсом и политическим доменом, но и с другими выделенными нами доменами символического универсума².

Учитывая две отмеченные характеристики в наиболее общем виде, мы будем понимать под дискурсом все виды коммуникативных практик, которые имманентны повседневному интеракциям индивидов, отражая в себе результаты смысловторчества всех доменов символического универсума.

Если язык — это возможность и универсальный медиум социального конструирования реальности (согласно Томасу Лукману), являющийся диахроническим, предзаданным социальному актору, то дискурс по своей природе синхронический, индивид в своих Мы-связях может наблюдать непосредственные изменения и даже столкновения дискурсов как один из уровней борьбы символических универсумов. В таких условиях каждый символический универсум создает собственный дискурс³.

Здесь мы говорим именно о дискурсе и изменениях в нем как неотъемлемых процессах диффузии символических универсумов, а в некоторых случаях — и их замены. Исходя из изложенного выше и данного нами определения “дискурса”, анализ языкового домена и происходящих в нем процессов в ходе борьбы и диффузии символических универсумов мы делим на два уровня. К

Дейка, дискурс играет в процессе реализации и поддержки власти исключительную роль. Наиболее упрощенно эта схема предстает в виде некоей последовательности: всепроникающая природа дискурса обуславливает исключительное влияние на сознание социальных акторов и, следовательно, является универсальным инструментом для экстернализации соответствующих смыслов властной элитой и интернализации их остальным обществом.

¹ Явные приемы влияния на дискурс со стороны власти могут существовать как в виде непосредственных речевых событий, так и на уровне текстов — разнообразных законов и постановлений. Однако существуют и неявные формы влияния. Ван Дейк различает разнообразные языковые обороты легитимации представителей власти, другие риторические средства. Как видим, это весьма близко к нашему предыдущему анализу, в котором описаны различные приемы вертикальной легитимации (коллокаций, пресуппозиции и т.п.) [Шульга, 2006].

² Теон ван Дейк в большей мере концентрировался на связи дискурса и идеологических репрезентаций.

³ При этом нужно помнить, что мы говорим о дискурсе в наиболее обобщенном виде, в соответствии с приведенным определением. В рамках одного дискурса символического универсума могут присутствовать модальности, которые Фуко называет уже упоминавшимися “дискурсивными формациями”. Поэтому речь может идти, например, о “медицинском дискурсе”, “либеральном дискурсе” и т.п. Однако общим для этих модальностей является то, что они конгруэнтны общему дискурсу, в том значении, которое мы привели выше. Кроме того, в эти дискурсы вплетены базовые смыслы символического универсума, в рамках которого сформировался общий дискурс.

первому, более “поверхностному”, мы относим изменения в дискурсе, введение новых и вытеснение прежних языковых конструкций, смыслов и т.д. Ко второму, “фундаментальному” уровню мы относим замену одной языковой системы другой. В таком случае речь уже идет не о частичных изменениях в самом языке, а о его полной замене в рамках данного общества, преобразовании большинства его членов в носителей этого языка, для которых он становится “родным” языком — иными словами, языком повседневных рутинных интеракций. Такое замещение является последним и наиболее основательным индикатором утверждения нового символического универсума в обществе. Важно подчеркнуть, что последнее не является обязательным условием для замены одного символического универсума другими. Это скорее наиболее радикальная форма замещения, когда это не только затрагивает сам дискурс, внедрение в него определенных смысловых конструкций, коллокаций и др., но и изменяет сам медиум понимания и взаимопонимания, сам язык общения в обществе. Особенно когда альтернативный символический универсум, который в результате длительных и многоуровневых процессов достиг культурной гегемонии, выкристаллизовался и сформировался в той же языковой среде, что и доминировавший прежде универсум. Замена одного языка другим или же возврат к “старому” языку происходит преимущественно в условиях привнесения нового символического универсума “извне”, из другой символической среды, что в абсолютном большинстве случаев достигается скорее насильственными, военными методами. В этих условиях замещение языка происходит искусственным путем, и свой естественный статус он приобретает только после смены нескольких поколений, которые интернализовали его через уничтоженную и вновь выстроенную систему образования, масс-медиа, культуры и т.п.

Более распространен, однако, случай, когда изменения затрагивают только первый уровень — уровень дискурса. При этом смена дискурса не означает, что аподиктически должен изменяться язык, принятый при прежнем символическом универсуме. То есть утрата культурной гегемонии одним универсумом не имеет прямой зависимости от замены языковой системы. К этому мы еще неоднократно вернемся в нашем рассмотрении.

Рассмотрим изложенное выше деление языкового домена на уровень дискурса и уровень языка на примере. Ситуация радикальной замены одного языка другим имела место при распространении “советского” универсума в Средней Азии. Это проявлялось и в активном использовании одного языка, и даже в замене азбуки одного языка на азбуку другого. Очевидно, что языковое разнообразие в разных республиках было серьезным вызовом для получения этим универсумом статуса доминирующего в этих обществах¹.

¹ На разных территориях этот сложный вопрос решался по-разному, но результат в итоге был один — перевод местного населения на использование кириллицы. Так, в 1928 году во всех республиках СССР с тюркоязычным населением был введен так называемый яналиф — новый одинаковый алфавит на основе латиницы. Он заменял собой алфавиты на основе арабского языка — таким, например, был алфавит в Узбекистане. Через десять лет и этот новый алфавит заменили на кириллицу, которая оставалась официальным алфавитом в этих республиках вплоть до распада Советского Союза. В 90-х годах

Такого рода процессы изменений языковых доменов происходят с разной интенсивностью и результатом в тех или иных обществах постсоветского пространства. Наряду с радикальными шагами по возврату к старой системе правописания в определенных обществах изменения затронули в основном уровень дискурса. Это, безусловно, оказывает влияние на язык — вводятся новые слова и даже правила правописания, вытесняются старые слова и устойчивые выражения, поговорки. Нечто подобное произошло и в украинском обществе, где русский язык как язык прежнего универсума остался очень распространенным, даже не имея статуса государственного.

Если обратиться к украинскому примеру, то русский язык определяется нами как язык прежнего универсума, поскольку советский универсум был объединяющим, наднациональным универсумом, где единый (русский) язык был одним из его основополагающих интегрирующих элементов. Со своей стороны, украинский язык является языком нового, “национального” (важно подчеркнуть — не “этнического”) универсума. Разумеется, оба языка и их исключительное доминирование — это всего лишь идеальный тип. В реальности и в советском, и в новом универсуме присутствуют оба языка. Мы делаем акцент именно на преобладании одного или другого языка в повседневных, рутинных Мы-связях. Однако фундаментальные изменения произошли прежде всего на уровне дискурса — новые базовые смыслы были вплетены в языковые конструкции и постоянно и нерелексивно присутствуют в жизни общества. В этом же общем дискурсе, исходя из описанных нами характеристик, нашел отражение и официальный дискурс, связанный с политическими процессами, происходящими в годы независимости.

Широкое применение русского языка даже в условиях потери культурной гегемонии прежнего универсума вполне логично. Ведь русский язык был языком, на котором социализировались несколько поколений, и соответственно именно он стал родным для этих людей. Под этим мы имеем в виду, что на этом языке представители данных поколений думают, на этом языке общаются в своей повседневной жизни. Это касается не только представителей старшего поколения, но и тех, кого относят к когорте среднего возраста. Из-за этого замена актуального родного языка для взрослого человека на другой в качестве языка, на котором он начинает думать и преимущественно общаться, требует особых условий и длительного времени пребывания в них. Такими особыми условиями может стать переезд в другую

прошлого века в среднеазиатских постсоветских республиках начался обратный процесс. В Узбекистане решение о возврате к латинице было принято почти сразу и практически сразу же начался переходный период. В таких республиках, как Казахстан, процесс проходит не так быстро: переход на латиницу планируется в 2025 году. Хотя уже сейчас местные чиновники видят в этом самый важный шаг. Согласно подготовленной Комитетом науки Министерства образования и науки Республики Казахстан предварительной аналитической справке под названием “О переходе казахской письменности на латинскую графику”, этот шаг будет означать смену прежней идентичности на новую: “Как показывает культурная история целого ряда современных наций, письменность имеет не меньшее значение для формирования национальной идентичности, чем сам язык. ... В этом ключе перевод казахской письменности на латинскую графику означает для казахов изменение советской (колониальной) идентичности, во многом еще доминирующей в национальном сознании, на суверенную (казахскую) идентичность” [Режим доступа: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30112600#sub_id=200].

страну с совершенно иной языковой средой. В итоге человек просто вынужден, при отсутствии альтернативы, перенимать доминирующий язык и использовать его в процессе рутинных повседневных интеракций. Но даже в таких условиях очень часты ситуации, когда индивид попадает в символический анклав (пусть размером с небольшой квартал или поселение), поэтому другая языковая и культурная среда разбавляется привычными для него символическими системами, включая язык (см.: [Шульга, 20156]).

Подчеркнем, что речь прежде всего идет о символическом пространстве, а не о физическом. Поэтому данный анклав может и не иметь пространственных границ, а представлять собой ближайшее окружение индивида и его семью, где большую часть времени социальный актер все равно воспроизводит привычный для себя язык и коммуникативные практики, которые он интернализировал, находясь в прежних социальных условиях или в другом обществе (см.: [Massey, Hodson, Sekulic, 1999; Liu, Geron, 2008]).

В украинских условиях, напротив, носители русского языка фактически не испытывали серьезных неудобств в использовании этого языка и потому не сталкивались с насущной необходимостью использовать украинский, а про восприятие его как своего родного языка и говорить нечего. Исключение составляли те, кто использовал язык в силу своих профессиональных обязанностей. Однако главное то, что его использование было ограниченным, и в повседневной жизни, на уровне Мы-связей, ничто не мешало им вновь использовать русский. Это с необходимостью отразилось на том, что даже новое поколение перенимало русский в качестве родного языка в ходе своей социализации в новых условиях. Этому способствовали как институты горизонтальной легитимации, так и институты вертикальной легитимации¹.

Неоформленность культурной гегемонии нового символического универсума, о чем мы постоянно напоминаем, существование целых анклавов, где сохранял и сохраняет свое влияние прежний универсум, привели к тому, что индивиды — носители русского языка не были поставлены в условия, когда они были вынуждены изучать другой (украинский) язык. Поэтому они гарантированно могли воспроизводить его в повседневном общении и через социализацию собственных детей. Это касается и ближайшего окружения, способности свободно общаться на этом языке за исключением некоторых ситуаций, когда украинский язык служил официальным языком. Однако такое деление лишь подчеркивало функцию русского языка как языка повседневного общения индивидов в их неформальных Мы-связях.

В сохранении и воспроизводстве языка прежнего символического универсума в украинском обществе свою роль сыграли и институты вертикальной легитимации. Хотя в этих сферах прослеживались попытки ограничения роли русского языка и даже реальные шаги для этого, несмотря на это четверть века спустя к фундаментальным изменениям они не привели. Так,

¹ Напомним, что под этими институтами мы прежде всего имеем в виду институт семьи, а также ближайшее окружение социального актора, в котором он с большей частотой и интенсивностью вступает в повседневные интеракции с другими индивидами и, что гораздо важнее, делает это на постоянной основе. К институтам вертикальной легитимации мы относим в этом контексте институты образования и средства массовой коммуникации. Подробнее см.: [Шульга, 2006].

сокращение преподавания русского языка или полный отказ от его преподавания в школах в основном привели не к тотальному уменьшению русскоязычной молодежи, а скорее к ухудшению их грамотности при его использовании в повседневных взаимодействиях и коммуникациях. Ведь языковое окружение при этом сохраняло преобладающую русскоязычность или, по крайней мере, серьезную альтернативу использованию украинского языка.

Что касается средств массовой коммуникации и информации, то доминирование русскоязычной продукции не вызывало ни малейших сомнений. Русскоязычные сериалы, фильмы (за исключением введенного в последние годы обязательного дублирования зарубежных фильмов на украинском и субтитров для русскоязычных фильмов), телепередачи, печатная продукция составляли абсолютное большинство по сравнению с украиноязычной продукцией и контентом.

Окончательная неоформленность нового символического универсума, размытость его базовых смыслов лишь способствовали описанному выше состоянию дел и вместе с тем были обусловлены им.

Итак, в течение всех лет независимости наряду с украинским языком использовался русский, и на основании этого языка происходила десимволизация, возникали и укоренялись соответствующие коллокации, смысловые конструкции и происходила масштабная смысловая агрессия в отношении прежнего (“советского”) универсума. Эти процессы были более медленными в символических анклавах, о чем мы писали ранее (говоря о некоторых юго-восточных территориях Украины). Там слишком тяжело и медленно происходила замена дискурса, присущего старому универсуму, и укоренение новых базовых смыслов. Это вполне логично, исходя из того, что, как уже отмечалось, в символических анклавах сохраняется культурная гегемония прежнего или альтернативного универсума, а наряду с прочим и дискурс, который был ему присущ. Более того, поддержка и сохранение этого дискурса становится залогом существования символического анклава.

В украинских реалиях, в условиях потери культурной гегемонии прежний универсум использовал последнюю возможность для возвращения своего доминирующего положения, пусть и в видоизмененной форме — путем применения оружия. В символическом плане для объяснения и оправдания таких действий были использованы смысловые конструкции, базовые смыслы и сам дискурс прежнего символического универсума. При этом использование украинского или русского языка играло разную роль. Русский язык, в силу описанных выше реалий, не является тем маркером, который бы однозначно указывал на принадлежность индивида к тому или иному символическому универсуму. Тогда как использование индивидом украинского сразу же маркирует его как носителя “нового” символического универсума.

Это позволяет нам сделать сразу два вывода. С одной стороны, широкое употребление русского языка в украинском обществе и несмотря на это постепенное распространение нового символического универсума в который раз демонстрируют нелинейность и многомерность процессов смены универсумов. С другой стороны, использование украинского языка служит фундаментальным маркером принадлежности социального актора к новому символическому универсуму, что, в свою очередь, демонстрирует важ-

ность и фундаментальность замены одного языка другим для окончательной смены символических универсумов¹.

В описанных нами условиях в украинском обществе в последние десятилетия происходили крайне медленные изменения в распространении украинского языка как языка повседневного общения. Ситуацию “позиционной войны” (пользуясь терминологией Грамши) изменила “маневренная” и, более того, реальная война в начале 2014 года.

Сегодня говорить о реальных сдвигах в распространении украинского языка, прежде всего в контексте активной борьбы символических универсумов, и о том, насколько ускорился этот процесс, рано². Повторение полученных данных в течение нескольких лет дали бы основания говорить о начале промежуточного этапа изменений на уровне языка. На этом этапе индивиды наряду с привычным для себя языком, посредством которого они социализировались и которым пользовались всю свою жизнь, начинают относиться к языку как к форме поведения, которая четко, без эквивокаций маркирует их как носителей нового универсума или, по крайней мере, как тех, кто постулирует такое использование в своей повседневной жизни. Повторимся, что такой переход и на индивидуальном, и на социальном уровне оказывается довольно сложным и противоречивым. На обоих уровнях он требует длительного времени и соответствующей языково-символической, ценностной и культурной среды. Иными словами, в этот процесс активно включены и другие домены символического универсума и происходящие в них процессы. Именно поэтому мы можем говорить не об устойчивом результате, а скорее о векторе изменений, который закладывается в этот период. Видимые сдвиги ныне происходят лишь на “поверхностном” уровне — уровне идеологического дискурса. Легче всего их проследить в официальном дискурсе, что прежде всего проявляется в активной “декоммунизации”, которая в практической плоскости представляет собой смену названий улиц и даже целых населенных пунктов. Как считают его творцы, этот шаг будет иметь очень серьезные последствия в плане изменения символически-смысловой среды в обществе, в частности разрушит символические анклав “старого” универсума.

¹ Именно поэтому мы упомянули о примере насильственного внедрения “советским” символическим универсумом во всех республиках единого для всех частей страны языка — русского.

² Хотя последние исследования и фиксируют некоторое увеличение по сравнению с 2013 годом доли тех, кто в повседневных интеракциях наряду с русским использует и украинский, а также одновременное уменьшение доли тех, кто использует в быту только русский (доля респондентов, использующих только украинский, почти не изменилась). Тем не менее фактическая невозможность включить в опрос жителей Крыма, а также невозможность опросить значительное количество жителей Донецкой и Луганской областей не позволяют делать обоснованные выводы. Нельзя также не указать на аргумент о том, что увеличение доли тех, кто утверждает, что использует оба языка, и вместе с тем уменьшение преимущественно русскоязычных в быту в определенной мере обусловлено также “идеологическими” и антироссийскими настроениями, которые существенно распространились среди населения в результате аннексии Крыма и боевых действий на Донбассе.

Выводы

Как отмечалось в начале предложенной статьи, описание доменов символического универсума мы начали с языкового домена в силу его интегральности. Хотя все домены символического универсума взаимосвязаны и изменения в одном из них с необходимостью приводят к изменениям в других, именно языковой домен является той почвой, благодаря которой возможны все прочие смыслообразующие сферы — домены символического универсума, ведь именно посредством языка происходит индивидуальное конституирование и коллективное конструирование смыслов и их распространение. Языковой домен в своем анализе мы разделили на два уровня — собственно язык как сложную систему фонетических, лексических и грамматических средств, применяемых для коммуникации и передачи информации между социальными акторами. Поэтому язык выступает универсальным медиумом понимания и взаимопонимания, а отсюда — повторимся — универсальным инструментом смыслотворчества. На втором уровне мы рассматривали дискурс, под которым понимали все виды коммуникативных практик, имманентных повседневным интеракциям индивидов, благодаря чему они отражают результаты их смыслотворчества во всех доменах символического универсума. Язык предзадан индивиду, или, в терминах Альфреда Шюца, язык диахроничен социальным акторам. Дискурс, в свою очередь, синхроничен; индивид может на своем уровне принимать участие в его конструировании и изменении.

Таким образом, если язык выступает средством взаимопонимания и взаимного смыслоконструирования, то дискурс является кристаллизацией смыслотворческой активности, смысловыми импликациями, задающими рамки коммуникации и интерпретации. Если вспомнить Бартово различие денотата как чистой информации и коннотаций как смысловой нагрузки, наш анализ рассматривает язык скорее в качестве инструмента непосредственной передачи информации между социальными акторами, тогда как дискурс содержит устоявшиеся смысловые конструкции, определения, интерпретации, имманентно присутствующие во всех повседневных интеракциях индивидов на всех уровнях. Это различие в языковом домене на два уровня имеет фундаментальное значение для правильного понимания того смысла, который мы вкладываем в его определение. Ведь наряду с возможными эквивокациями самим названием “языковой” оно указывает на то, что изменения в языковом домене прежде всего происходят на уровне дискурса. Именно на этом уровне происходит кристаллизация смыслов господствующего символического универсума и столкновение противоположных смыслов между носителями разных универсумов — как один из уровней борьбы символических универсумов. Данное различие как раз и указывает на тот факт, что каждый символический универсум создает собственный дискурс, собственную систему коммуникативных образцов, которые содержат соответствующие базовые смыслы и очерчивают для своих индивидов-носителей соответствующие рамки интерпретации. Это, в свою очередь, означает, что конкурирующие символические универсумы не обязательно должны использовать разные языки, а чаще всего пользуются одним языком, однако каждый из них формирует собственный дискурс с противоположными или весьма отличными смысловыми и коммуникаци-

онными конструктами. Диффузию и борьбу символических универсумов в полной мере можно проследить на примере изменений в дискурсе — как официальном, так и повседневном.

На уровне языка изменения проходят гораздо сложнее и намного медленнее. Повторимся — язык рассматривается нами как инструмент для создания дискурса. На этом уровне целесообразнее изучать статус языка, возможности его развития, употребления, обучения на этом языке и т.п. Как было показано, укоренение языка путем замены одного символического универсума другим требует специфических условий, которые нередко выходят далеко за пределы сугубо символической борьбы.

Источники

Барт Р. S/Z / Барт Р. — М.: Эдиториал УРСС, 2001. — 232 с.

Ван Дейк Т. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации / Ван Дейк Т.; пер. с англ. — М.: Либроком, 2013. — 344 с.

Фуко М. Археология знания / Фуко М. — СПб.: Гуманитарная академия; Университет. книга, 2004. — 416 с.

Шульга А. Символические анклавы и смена символических универсумов / А. Шульга // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2015а. — № 3. — С. 95–107.

Шульга А. Иерархия доменов символического универсума / А. Шульга // Соціальні виміри суспільства. — 2015b. — Вип. 7 (18). — С. 230–241.

Шульга О. Деякі теоретичні та практичні аспекти суспільної легітимації / О. Шульга // Соціальні виміри суспільства; вип. 9. — К.: Ін-т соціології НАН України, 2006. — С. 110–119.

Шульц В.Л. “Деревянный язык” как зеркало революции / В.Л. Шульц, Т.М. Любимова // Социологические исследования. — 2014. — № 1. — С. 136–145.

Шюц А. Структури життєсвіту / А. Шюц, Т. Лукман. — К.: Укр. центр розвитку духовної культури, 2004. — 560 с.

Liu M. Changing Neighborhood: Ethnic Enclaves and the Struggle for Social Justice / M. Liu, K. Geron // Social Justice. — 2008. — Vol. 35, № 2 (112): Asian American & Pacific Islander Population Struggles for Social Justice. — P. 18–35.

Luckmann Th. Soziologie der Sprache / Luckmann Th. // Handbuch der empirischen Sozialforschung / René König (Hrsg.). — Enke, Stuttgart, 1969. — Bd. 11. — S. 1050–1101.

Luckmann Th. Wirklichkeiten: individuelle Konstitution, gesellschaftliche Konstruktion / Thomas Luckmann // Lebenswelt, Identität und Gesellschaft: Schriften zur Wissens- und Protozoziologie / Hrsg. von Jochen Dreher. — UVK Verlagsgesellschaft mbH, 2007. — S. 127–137.

Massey G. Ethnic Enclaves and Intolerance: The Case of Yugoslavia / G. Massey, R. Hodson, D. Sekulic // Social Forces. — 1999. — Vol. 78, № 2, Dec. — P. 669–693.

Schutz A. On Multiple Realities / A. Schutz // Collected Papers. — The Hague: Martinus Nijhoff, 1962. — Vol. 1. — P. 207–259.

Schutz A. Reflections on the Problem of Relevance / Schutz A. — Yale University Press, 1970. — 186 p.

Schütz A. Sprachsoziologie (Vorlesung, Mitschriften 1950, 1952/53) / A. Schütz // ders. Theorie der Lebenswelt 2 — Die kommunikative Ordnung der Lebenswelt / Hrsg. von Hubert Knoblauch, Ronald Kurt und Hans-Georg Soeffner. — 2003. — S. 221–302.